

ПРОЙДЕННОЕ— ОБРЕТЕННОЕ

Петр Проскурин. «Словом не убий». Главы из автобиографической книги. Журнал «Наш современник», № 6, 1982.

Борис Васильев. «Летят мои кони...» Повесть о своем времени». Журнал «Юность», № 6, 1982.

С КЕМ ЭТО не случилось — и не раз в сутолке дней, в череде работ, забот, когда одно сменяет другое и конца-края ничему не видно, а время несет тебя, как щепку. Куда? — спрашиваешь ты себя, и тут же, рядом, возникает вопрос: откуда? — а с ними и третий: а где ты сейчас и что ты? — может быть, самый тревожный и неприятный вопрос. Тогда-то и приходит это спасительное и всегда необходимое человеку желание: остановиться, задержаться время, самого себя в своем привычном беге по дням, неделям, месяцам, годам, ужасно, если по десятилетиям — вот так, все время вперед, без остановки, без оглядки — остановиться и взглянуть в тот путь, по которому ты уже пронесся, словно продуваемый транзитным сквозняком, без особой мысли, во всяком случае — осмысления...

И тогда...

«Я всю жизнь мечтал передохнуть. Долго-долго — с мая по октябрь — бродить по селам и рекам, встречаться с людьми, собирать грибы, ловить рыбу, с уютной думой глядеть в ночной костер и прощипывать от капели росы. А вместо этого я все бегу и бегу, неизвестно куда, бегу, задыхаясь и падая, и все никак не могу добежать.

Ах, как быстро летят мои кони!..»

Это у одного. А у другого, между прочим, по-иному, но похоже:

«Действительно, стало как-то странно и не по себе; вчера только, кажется, ходил в начинающих, подающих надежды, а вот уже и пятьдесят, и дети взрослые, и только все кажется, что главного, так и не написано. Всего необходимого много, а вот самого важного — молодости, здорового, полноценного ощущения жизни — все меньше».

Кто это так сетует, жалуется? Неудачники, обделенные судьбой, записные духовные инвалиды? В том-то и дело, что нет, и я, читатель, больше всего и доволен, что пишу это люди, вовсе не обойденные ни славой, ни широчайшим уважением и общей признательностью, да и умом и талантом бог их никак не обидел. Первая цитата — самый конец повести Бориса Васильева «Летят мои кони...», вторая — из автобиографической книги Петра Проскурина «Словом не убий».

Почему я доволен, что это пишу именно они? Да как раз потому самому, что они талантливы и вот так пишут о себе. И с каких это пор и почему повелось, что жаловаться стыдно и чуть ли не унижает человека? Стыдно быть самодовольным. «...Надеюсь верую веками не придет ко мне позорное благоразумие» — ведь чуть ли не крестным знаменем осенял себя Маяковский, и отчего? — всего лишь от благоразумия! А от довольства собой, и тем более сделанным собой, пуще всего уж надо беречься: тут-то и конец художнику.

Да и жалобы ли это? А может, то самое, что мы называем каким-то унылым, назидательным словечком «звзвончивость»? «...И с открытием читая жизнь мою, я грепещу и проклинаяю...» — это что, тоже жалоба? А не вышедший ли суд над самим собой, который не одному пушкинскому гению, но и любому

смертному полезно было бы иногда вершить? Для самоочищения. Для проверки состояния собственной совести.

Тогда и остановись и посмотри, что позади лежит. Сделанного, конечно, не поправишь, но урок извлечешь. Очень небесполезный урок.

Это, по всему видно, и было внутренним побуждением, заставившим таких, в общем, разных писателей, как Проскурин и Васильев, именно остановиться и как бы со стороны посмотреть на себя, на свой пройденный путь в жизни и литературе (дистанция времени это позволяет — чтобы обязательно со стороны и вроде бы издалека: тогда взгляд объективнее, жестче и надежнее в своей справедливости). Если у человечества, народа есть история, то ведь, в сущности, она есть и у каждого человека, только называется иначе — автобиография, просто биография. Учтите: как бы ни хотелось кому-либо, всегда неотрывная от большой Истории. И если мы в последние годы все чаще и чаще обращаемся к истории, к своим народным, национальным истокам, то и человеку полезно пристальнее взглянуть в свое начало, в свое личное прошлое. Всем вместе — для понимания настоящего и будущего нашего общества, выверки правильности курса в пределы грядущих лет, каждому в отдельности — для того же, для самопознания и нового рывка вперед.

Уверен, что обе автобиографические вещи — Васильева и Проскурина — будут в их творчестве лежать где-то «между». Между главными произведениями — уже написанными, мы их хорошо знаем, — и теми, что и сами авторы пока, по всей видимости, лишь представляют. В лучшем случае. А как и что получится — на роду написанного никто не знает.

И с такой же уверенностью полагаю, что обе эти вещи станут заметными ступеньками к еще лучшим страницам в творчестве этих писателей. Потому что есть у них одна привлекательнейшая особенность, не знаю, осознаваемая ли самими авторами: это очень добрые и вместе с тем абсолютно не благодушные и вовсе уж не сентиментально-воспоминательные произведения. В них, небольших по объему (повесть Васильева вообще можно было бы назвать «маленькой»), много обязательных людей. С какой искренней и с годами все растущей любовью пишет Проскурин о своей матери, а Васильев — об отце. «Мать моя, в то время еще крепкая сорокасемилетняя женщина, сумела в полном одиночестве построить себе небольшую хатенку, в ней умещались обязательная русская печь, стол, кровать и две лавки: каким образом она ухитрилась свершить свой подвиг — одному богу ведомо, потому что заработки в колхозе оставались все на том же нулевом уровне, о котором Твардовский так точно выразился: «...и трудовые пусто-пусты, и трудовичи не полней». И дальше пойдет, как она и гордилась этой постройкой, и тревожилась о неустойчивой судьбе своих сыновей, вздыхая, соглашалась с чем в душе своей согласиться не могла, — ну, скажем, с отъездом сына из родных мест, он молодой, ищет свою, непонятную ей дорогу и что ж тут еще поделаешь — чисто рус-

ский, народный характер матери — и всего на нескольких страничках! А Васильев вспоминает о своем отце, словно сквозь дымку времени и романтики, отец был красным командиром — и все словно в далеком и прекрасном сне, он и в самом деле одно время часто снился в каком-то старом саду, полном опавшей листвы и скрытых под ней яблок, — «молчаливый, небольшого роста мужчина, идущий рядом. И мне кажется, что тепло и свет — от него. Он излучает их для меня, оставаясь где-то в тени, не выражая ни одобрения, ни порицания и лишь изредка молча протягивая мне крепкие холодные яблоки».

Тут, по одним этим маленьким цитатам, видна и разная стилистическая, эмоциональная тональность, с которой пишут и тот, и другой. У Проскурина и на автобиографических страничках лежит отсвет присущей ему спокойной, раздумчивой эпичности, он и здесь рисует близких ему людей из народа — бригадира сплавщиков Самородова, товарищей по общей камчатской судьбе в молодости Костю Чижова или Степана Мешкина, внезапно развернувшего перед всей бригадой такую свою жизнь, что выдавшие виды ахнули. Проскурин смело раздвигает рамки своей «частной жизни», и в описании того же камчатского периода своей жизни, когда он три года «кальвалал» на тяжелой и опасной работе, мы начинаем понимать, откуда есть и пошла вся его проза, тяжеловатая, я бы даже сказал, медвежатая, крутая в своей прямоте, никогда не отводящая глаз от суровой и нелегкой правды. Васильев в чем-то эффективнее, ярче, интеллигентнее, что ли, хотя это вдруг и обернется у него литературной красотой, от которой он, по его собственному признанию, всю жизнь себя оберегал, но известно, что больше всего боится того, что свойственно тебе, и тогда, среди великолепного, отточенного текста появятся: «...Еще смеются раскаты, и уже чуть грустят вечера». Зачем же так?

Но это мелочь, пустяк, главное, повторяю, и у Васильева, и у Проскурина множество пусть бегло, но четко и выразительно выписанных превосходных людей, которых они на весь свой век запомнили. И вот теперь выражают им свою признательность памятным словом. У того же Васильева это и бескорыстнейшая бабушка, и друг детства Коля Плужников, и фантастически своеобразный знаменитый Николай Погодин, которому молодой Васильев показывал свои первые драматургические опыты, и, наконец, Борис Полевой, откровенно ему дорожа в большой литературе, здорово, кстати говоря, написанный, и еще другие, другие...

Пожалуй, все встреченные и Проскуриным, и Васильевым на их жизненном пути посвоему хороши, иногда, может быть, даже и спорно — хороши ли? Но все равно помнуги добрым словом. Один человек активно не нравится и тому, и другому — это он сам. Вот это-то и снимает начисто всякое благодушие.

Литература — нелегкий хлеб, изнуряющая работа. Как это ни покажется парадоксальным, как раз в этом и скрыт оптимизм автобиографических вещей, о которых я сейчас пишу. Ибо только такое понимание своей работы и приучает к каждодневному мужеству и не позволяющему ни на миг успокоиться стремлению «как можно ближе пробиться к душе народа, к его самому сокровенному, мертвому скрытому от посторонних или равнодушных глаз». Так об этом пишет в итоге своих воспоминаний и размышлений Проскурин. И когда такое стремление становится смыслом писательского, художнического труда и самой жизни, тогда, значит, обретено самое важное и мы можем ждать от писателей нового поворота в их судьбе.

А. КОНДРАТОВИЧ